

От демократии к свободе

CrimethInc.

Оглавление

Что такое демократия?	5
Монополизация легитимности	7
Первоначальная демократия	9
Представительная демократия — рынок власти	13
Прямая демократия: правление без государства?	18
Консенсус и Иллюзия о единогласном правиле	22
Исключенные: Раса, Пол и Демократия	24
Аргументы против автономии	29
Демократические препятствия к освобождению	32
Про Свободу: Отправные точки	39
Горизонтальность, Децентрализация, Автономия, Анархия	39
Демистификация институтов	40
Создание пространств для взаимодействия	41
Культивирование Коллективности, Сохранение Различий	42
Урегулирование конфликтов	43
Отказ от Правителей	44
От Демократии к Свободе	45

Демократия — это самый распространенный политический идеал нашего времени. Джордж Буш использовал её, чтобы оправдать вторжение в Ирак; Обама поздравил мятежников площади Тахрир, которые принесли её в Египет; Оссуры Wall Street утверждали, что нашли её чистую форму. От Демократической Народной Республики Северной Кореи до автономной области Рожава практически каждое правительство и народное движение называют себя демократичными.

Как излечиться от проблем демократии? Все соглашаются: нужно больше демократии. С начала века мы видели поток новых и новых движений, обещающих принести настоящую демократию, в отличие от якобы демократических институтов, которые они описывали как элитарные, принуждающие и отчуждающие.

Есть ли связующая нить между разными видами демократии? Какая из них настоящая? Может ли какой-то из видов обеспечить включенность и свободу, которые мы ассоциируем со словом «демократия»?

Наш собственный опыт непосредственных демократических движений вернул нас к этим вопросам. Наш вывод состоит в том, что драматические нарушения баланса как в экономической, и так и в политической власти, которые вывели людей на улицы от Нью-Йорка до Сараево, это не случайные изъяны в конкретных демократиях, а структурная особенность в истоках самой демократии; они появляются практически в каждом примере демократического правления на протяжении веков. Представительная демократия сохранила весь бюрократический аппарат, который изначально был изобретен для служения царям; прямая демократия стремится воссоздать его в меньших масштабах, даже в негосударственных неформальных структурах. Демократия — это не то же самое, что свободное волеизъявление.

Безусловно, многие хорошие вещи регулярно называют демократическими. Это не аргумент против дискуссий, коллективов, собраний, сообществ, федераций или работы с теми, с кем вы не всегда согласны. Наш аргумент скорее в том, что, когда мы используем эти методы работы, если мы думаем, что создаём демократию — как форму коллегиального правления, а не коллективной реализации свободы — рано или поздно мы воссоздаём все проблемы, связанные с менее демократическими формами правления. Это касается представительной и прямой демократии, и даже процесса консенсуса.

Вместо того, чтобы отстаивать демократические процедуры как самоцель, давайте вернемся к ценностям, которые привлекли нас в демократии: эгалитаризм, включение всех, идея того, что каждый человек должен контролировать свою судьбу. Если демократия не самый эффективный способ достижения этих ценностей, то что? Так как все более ожесточенные схватки потрясают современные демократические государства, важность этой дискуссии продолжает расти. Если мы продолжим попытки заменить существующий порядок более широкой версией того же самого, нас будет постоянно отбрасывать назад, а те, кто разочаруются вместе с нами, станут стремиться к более авторитарным альтернативам. Нам нужна концепция, которая может реализовать ожидания, которые не оправдывает демократия.

В этом тексте мы рассмотрим общие темы, которые связывают разные формы демократии, проследим развитие демократии от её классического зарождения до современных вариантов — представительная, прямая и основанная на консенсусе и оценим насколько полезны демократические процедуры и дискурс для социальных движений которые их используют. Также по ходу мы поясним, что означает реализовывать свободу напрямую, а не через демократическое правление.

Этот проект является результатом многолетнего трансконтинентального диалога. В дополнение к нему мы публикуем тематические исследования участников движений, продвигаемых как модели прямой демократии: 15М в Испании (2011), оккупация площади Синтагма в Греции (2011), Оссиру в Соединенных Штатах (2011-2012 гг.), словенское восстание (2012-2013 гг.), пленумы в Боснии (2014 г.) и революция в Рожаве (2012-2016 гг.).

Что такое демократия?

Что такое демократия? Большинство определений из учебников упоминают принцип «большинства» или правительство избранных представителей. С другой стороны, несколько радикалов утверждают, что «настоящая» демократия происходит только вне и вопреки государственной монополии на власть. Должны ли мы понимать демократию как набор механизмов принятия решений с определённой исторической подоплёкой или как общее стремление к эгалитарной, коллегиальной политике, включающей всех?

« — А что такое демократия?

— Этого я никогда не понимал... Разновидность правительства. И как-то связано с тем, что молодые убивают друг друга.»

— Джонни взял ружье (1971)

Чтобы определить объект нашей критики, давайте начнём с самого термина. Слово «демократия» происходит от древнегреческого *dēmokratía*, от *dēmos* — «люди» и *krátos* — «власть». Эта формулировка — «власть людей», появившаяся в Латинской Америке под названием *power popular*, приводит к вопросам: каких людей? И какая власть? Корни этого слова — *demos* и *kratos* — предлагают два общих знаменателя всей демократии: определение того, кто участвует в процессе принятия решений, и способ принятия решений. Другими словами, это гражданство и поддержание порядка. Это основа демократии; то, что делает его формой правления. Всё, что не вписывается в эти рамки, более правильно описывается как анархия — отсутствие правительства, от греческого *an* — «без» и *arkhos* — «правителя».

Общие знаменатели демократии:

- способ определения того, кто участвует в принятии решений (*demos*)
- метод принятия решений (*kratos*)
- определение законности принятия решений (*polis*)
- и ресурсы для её поддержания (*oikos*)

Кто определяет *demos*? Кто-то утверждал, что этимологически *demos* никогда не означал всех людей, а только конкретные социальные классы. Даже когда его приверженцы трубили про его предполагаемую всеобщность, на практике демократия всегда предполагала различие между включёнными и исключёнными. Это может быть статус в законодательном органе, право голоса, гражданство, членство, раса, пол, возраст или участие в уличных собраниях; но в любой форме демократии, для принятия законных решений, необходимы формальные условия легитимности и определённая группа людей, которые им соответствуют.

В этом плане демократия узаконивает провинциальный, шовинистский характер своего греческого происхождения, и в то же время она предлагает модель, которая может включать в себя весь мир. Вот почему демократия оказалась настолько совме-

стимой с национализмом и государством; она предполагает Другого, которому не предоставляются одинаковые права или политическое представительство.

Фокус на включение и исключение ясно обрисовался на заре современной демократии во влиятельном трактате Руссо «Об общественном договоре», в котором он подчеркивает, что между демократией и рабством нет противоречия. Чем больше «злодеев» в цепях, пишет он, тем более совершенна свобода граждан. Свобода волка — это смерть для ягненка, как позже выразился Исайя Берлин. Концепция свободы «кто кого», выраженная в этой метафоре — основа идеологии прав, предоставленных и защищаемых государством. Другими словами: чтобы граждане были свободными, государство должно обладать высшими полномочиями и способностью осуществлять полный контроль. Государство стремится производить овец, сохраняя за собой положение волка.

В то же время, если мы понимаем свободу как общую сумму, свобода одного человека становится свободой всех: это не просто вопрос защиты со стороны властей, но и взаимодействия друг с другом так, чтобы максимально увеличивать возможности для всех. Таким образом, чем более централизована принуждающая власть, тем меньше свободы. Такой способ восприятия свободы как социального феномена, а не индивидуалистического, подходит к свободе, как к коллективному отношению к нашему потенциалу, а не как к статичному пузырю частных прав.

«В самом деле, я свободен лишь тогда, когда все человеческие существа, окружающие меня, мужчины и женщины, равно свободны. Свобода других не только не является ограничением или отрицанием моей свободы, но, напротив, есть необходимое условие и утверждение её.»

— Михаил Бакунин

Давайте обратимся к другой части слова — *kratos*. Демократия делит этот суффикс с аристократией, автократией, бюрократией, плутократией и технократией. Каждый из этих терминов описывает правительство через какие-то группы общества, но все они имеют общую логику. Эта общая нить — *kratos*, власть.

Какая власть? Давайте еще раз обратимся к древним грекам. В классической Греции каждое абстрактное понятие олицетворялось божественным существом. Кратос был непримиримым Титаном, воплощающим силу принуждения, связанную с государственной властью. Один из старейших источников, в которых появляется Кратос, пьеса «Прометей», сочиненная Эсхилом в первые дни афинской демократии. Пьеса начинается со сцены, в которой Кратос, принудительно «конвоирует» скованного Прометея, которого наказали за передачу людям огня, украденного у богов. Кратос представлен тюремщиком, бездумно выполняющим приказы Зевса — грубый, «заточенный для любых деспотичных действий».

Характер силы, олицетворяемой Кратосом — это то, что объединяет демократию с самодержавием и любой другой формой правления. Они разделяют институты принуждения: юридический аппарат, полицию и военных, все из которых предшествовали демократиям и неоднократно их переживали. Это инструменты, «заточенные для любых деспотичных действий», независимо от того, является ли властный тиран — царем, классом бюрократов или самим «народом». «Демократия есть одурачивание

народа при помощи народа ради блага народа», — сказал Оскар Уайльд. Муаммар аль Каддафи одобрительно повторил это спустя столетие, без иронии: «Демократия — это народный самоконтроль».

В современном греческом языке *kratos* — это просто слово для государства. Чтобы понять, что такое демократия, нам нужно присмотреться к самому правительству.

«Нет противоречия между осуществлением демократии и законным центральным административным контролем в соответствии с хорошо известным балансом между централизацией и демократией... Демократия укрепляет отношения между людьми, а ее основной силой является уважение. Сила, которая проистекает из демократии, предполагает высочайшую степень приверженности исполнению приказов с большой точностью и усердием».

— Саддам Хусейн, «Демократия: источник силы для личности и общества»

Монополизация легитимности

«Ибо как в абсолютистских государствах король является законом, так и в свободных странах закон должен быть королем».

— Томас Пейн, Здравый смысл

Демократия, как форма правления, предлагает создать единый порядок из какофонии желаний, включая ресурсы и деятельность меньшинства в политику, продиктованную большинством. В любой демократии существует легальное пространство принятия решений, отличное от остальной жизни. Это может быть конгресс в здании парламента или общая ассамблея на тротуаре или приложение, собирающее голоса через iPhone. Но в любом случае не наши непосредственные потребности и желания — основной источник легитимности, но определенный процесс принятия решений и протокол. В государстве это называется «верховенством закона», хотя для этого принципа наличие официальной правовой системы не обязательно.

В этом суть правительства: решения, принятые в одном месте, определяют, что имеет право существовать во всех других пространствах. Результатом является отчуждение — разногласие между принятыми решениями и реальной жизнью. Демократия обещает решить эту проблему, включив всех в процесс принятия решений. Это должна быть власть всех. «Граждане демократического государства подчиняются закону, потому что они признают, что, хоть и не напрямую, они подчиняются самим себе как создатели закона». Но если все эти решения были фактически приняты людьми, на которых эти решения влияют, не было бы необходимости в средствах принуждения.

«...сталкиваешься со следующей огромной трудностью: прежде всего, нужно дать возможность власти управлять теми, на кого она направлена, а затем обязать ее контролировать себя».

**2500 лет назад
мы объявили войну миру!**

Мы называем эту войну- Демократия

— Джеймс Мэдисон, *The Federalist*

Что защищает меньшинства в этой системе «победитель-забирает-всё»? Сторонники демократии объясняют, что меньшинства будут защищены государственными нормами — «система сдержек и противовесов». Иными словами, предполагается, что та же структура, которая обладает властью над ними, защищает их от самой себя. В этом подходе демократия и личная свобода находятся в конфликте: чтобы сохранить свободу для отдельных лиц, правительство должно забрать свободу у всех. Было бы оптимистично полагать, что институты всегда будут лучше, чем люди, которые в них работают. Чем больше власти мы отдаём правительству в надежде защитить угнетённых, тем более опасным оно может стать, когда обернёт свои силы против них.

Насколько вас подкупает идея о том, что демократический процесс должен брать верх на собственной совести и ценностями? Давайте попробуем быстрое упражнение. Представьте себя в демократической республике с рабами — скажем, древние Афины, или древний Рим, или Соединенные Штаты Америки до конца 1865 года. Будете ли вы подчиняться закону и относиться к людям как к собственности, пока будете пытаться изменить законы, прекрасно осознавая, что тем временем целые поколения могут жить и умирать в цепях? Или вы будете действовать по своей совести в нарушение закона, как Гарриет Табман и Джон Браун?

Если вы будете следовать по стопам Гарриет Табман, значит вы тоже считаете, что есть что-то поважнее верховенства права. Это проблема для всех, кто хочет использовать подчинение закону или воле большинства как важнейший показатель легитимности.

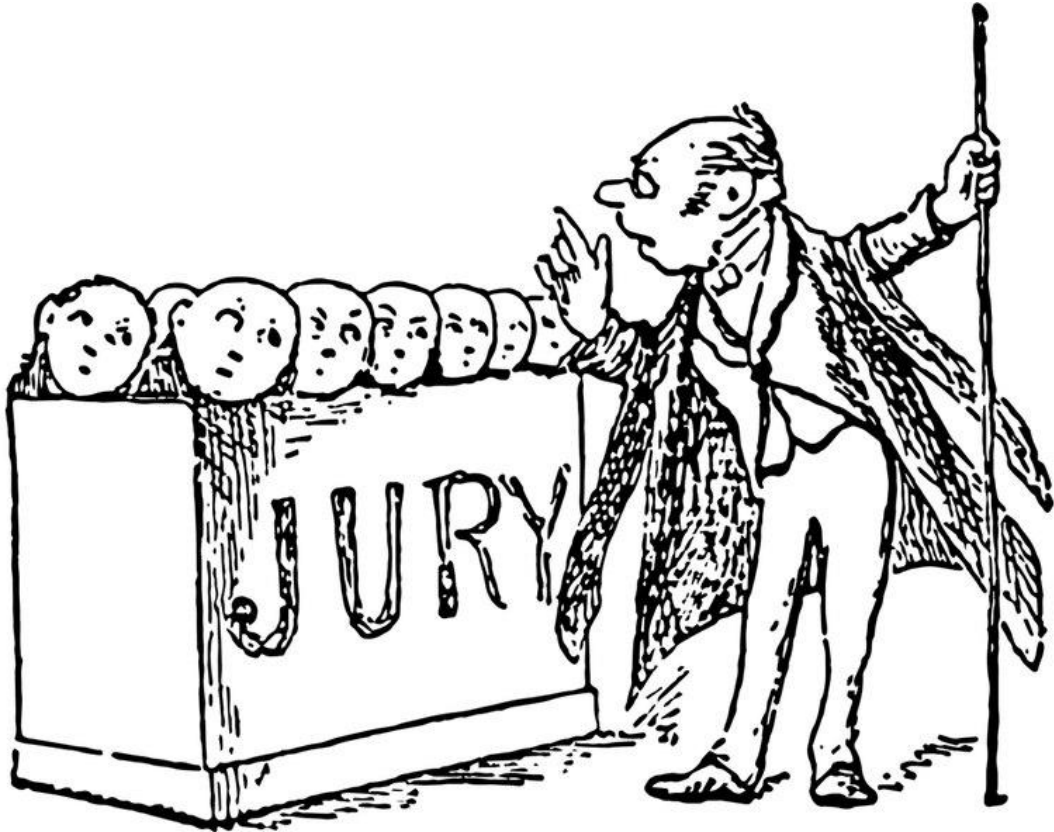
«Разве не может существовать правительство, в котором большинство решает, что верно, а что нет, не в соответствии с делом, а в соответствии с совестью?»

— Генри Дэвид Торо. О гражданском неповиновении

Первоначальная демократия

В древних Афинах, хвалёном «месте рождения демократии», мы уже наблюдаем исключение и принуждение, которые с тех пор стали важными чертами демократического правления. Могут голосовать только взрослые граждане мужчины с военной подготовкой; женщины, рабы, должники и люди не афинской крови, были исключены. В лучшем случае демократия охватывала менее пятой части населения. В действительности, рабство было более распространено в древних Афинах, чем в других городах Греции, и женщины имели меньше прав по сравнению с мужчинами. Большее равенство среди граждан-мужчин, по-видимому, означало большую солидарность против женщин и иностранцев. Пространство коллективной политики существовало в закрытом сообществе.

Мы можем обрисовать границы этого закрытого сообщества в афинской оппозиции между публичным и частным — между *polis* и *oikos*. Полис, греческий город-

Все будут делиться и имущество будет общее, не будет бедных и богатых. Нужно начать с земли, денег, всей частной собственности. **Всё должно быть общим!**

А кто будет вспахивать землю?

Рабы, конечно!

государство, был пространством публичной дискуссии, где граждане взаимодействовали как равные. В отличие от этого, домохозяйство *oikos* было иерархическим пространством, в котором господствовали владельцы мужского пола — зона, не относящаяся к сфере политики, но являющаяся ее основой. В этой двойственности *oikos* представляет все, что обеспечивает ресурсы, поддерживающие политику, но воспринимается как само собой разумеющаяся предпосылка, а потому он находится вне политики.

Эти категории остаются с нами и сегодня. Слова «политика» («дела города») и «полиция» («администрация города») происходят от *polis*, а «экономика» («управление домохозяйством») и «экология» («изучение домашнего хозяйства») происходят от *oikos*.

Демократия по-прежнему основана на этом разделении. Пока существует политическое различие между государственным и частным, всё от домашнего хозяйства (гендерно-дифференцированное пространство интимной жизни, которое поддерживает господствующий порядок невидимым и неоплачиваемым трудом) до целых континентов и народов (как Африка в колониальный период или даже темная кожа сама по себе) могут быть выведены за пределы сферы политики. Аналогичным образом, институт собственности и производящая его рыночная экономика, которые являются основой демократии с момента ее возникновения, не подвергаются сомнению и, одновременно, навязываются и защищаются политическим аппаратом.

К счастью, древние Афины — не единственный ориентир равноправного принятия решений. Беглый анализ других обществ показывает большое количество примеров, многие из которых не основаны на исключении или принуждении. Но должны ли мы воспринимать их как демократии тоже?

«Мы должны поверить, что до афинян никто на самом деле никогда и нигде не собирал всех участников своего сообщества с целью принять совместные решения способом, который предоставляет каждому равные права?»

– Дэвид Грэбер, Фрагменты анархистской антропологии

В своих «Фрагментах анархистской антропологии» Дэвид Грэбер упрекает своих коллег за определение Афин как источника демократии; он полагает, что модели Ирокезов, Бербера, Сулавеси или Талленси не получают такого большого внимания просто потому, что ни одна из них не основана на голосовании. С одной стороны, Грэбер прав направляя наше внимание на общества, которые сосредоточены на практике консенсуса, а не на принуждении: многие из них воплощают лучшие демократические ценности, гораздо больше, чем древние Афины. С другой стороны, нам нет смысла называть эти примеры настоящими демократиями, ставя под сомнение демократические полномочия греков, которые изобрели этот термин. Это все еще этноцентризм: подтверждение ценности не-западных примеров путем предоставления им почетного статуса в нашей собственной заведомо худшей западной парадигме. Вместо этого давайте признаем, что демократия, как конкретная историческая практика, из времен Спарты и Афин и воспроизводимая во всем мире, не соответствовала стандарту многих из этих сообществ, и нет смысла описывать

их (сообщества) как демократические. Было бы более ответственно и точно, чтобы описывать и отдавать им дань уважения в их собственных терминах

Представительная демократия — рынок власти

Правительство США имеет гораздо больше общего с Республикой Древнего Рима, чем с Афинами. Римские граждане, вместо того, чтобы напрямую управлять, избирали представителей, чтобы они управляли сложной бюрократией. По мере расширения римской территории и потока богатства мелкие фермеры потеряли своё прочное положение, и огромное количество обездоленных затопило столицу; беспорядки заставили Республику расширить права голоса для более широких слоев населения, однако политическое включение мало помогло противодействию экономическому расслоению римского общества. Все это звучит странно знакомо.

Римская Республика прекратила существование, когда Юлий Цезарь захватил власть; с тех пор Рим управлялся императорами. Но для среднего римлянина очень мало изменилось. Бюрократия, военные, экономика и суды продолжали функционировать так же, как и раньше.

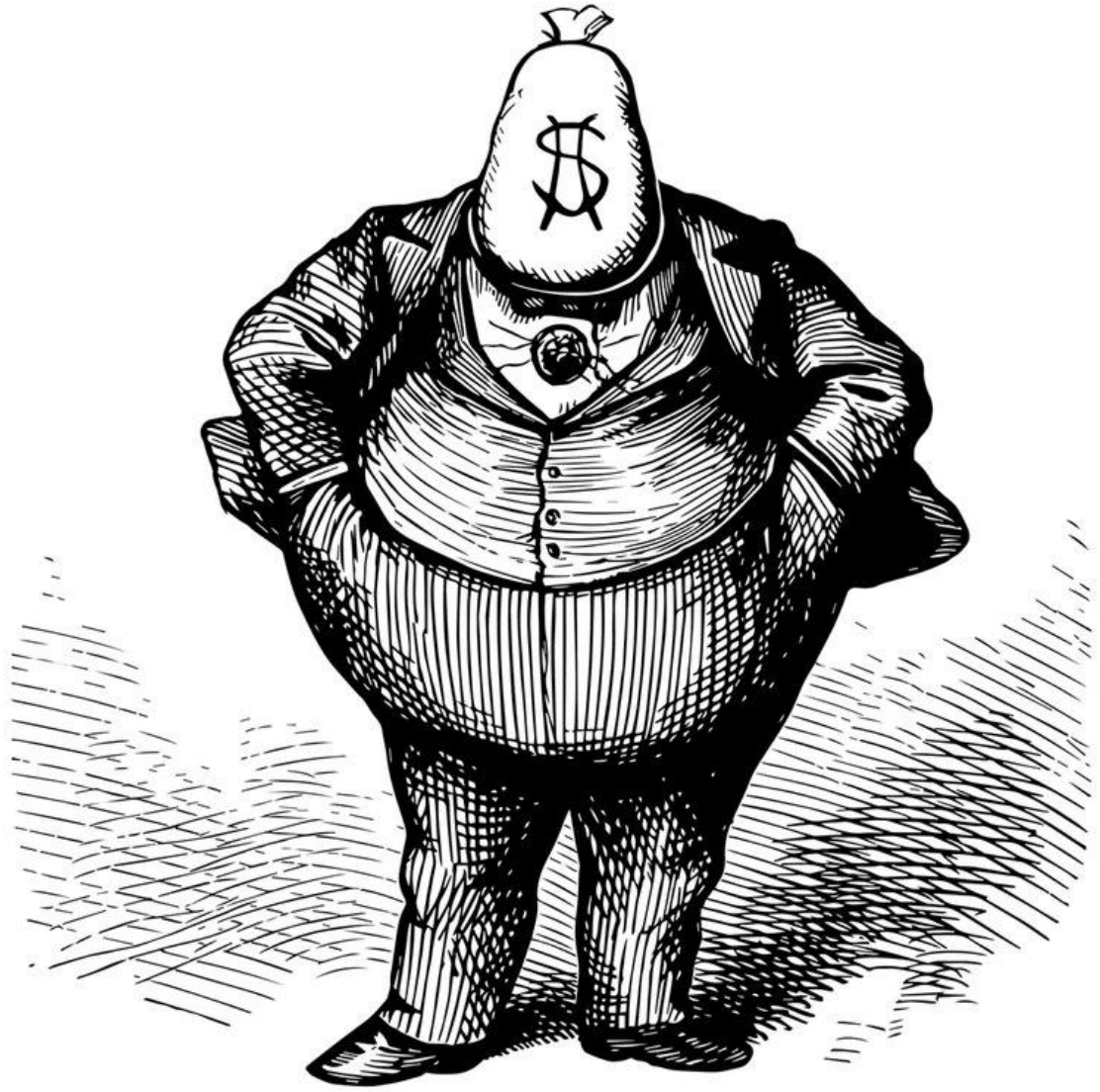
«Люди, которые верят в большое отличие демократии от монархии, едва ли могут понять, как политические учреждения могут пройти через множество преобразований и тем не менее оставаться прежними. Тем не менее беглый взгляд показывает нам, что во всей эволюции английской монархии со всеми ее расширениями и революциями и даже прыжком через море и становлением колонии, и которая стала независимой нацией, а затем мощным государством, сами государственные функции и отношения сохранились в сущности без изменений».

— Рэндольф Борн, Государство

Перенесемся в восемнадцатое столетие к американской революции. Разгневанные «налогами без представительства», североамериканские субъекты Британской империи восстали и создали собственную представительную демократию, вскоре преобразовавшуюся в сенат в римском стиле. И все-таки функция государства осталась неизменной. Те, кто боролся за то, чтобы освободиться от короля, обнаружили, что налоги с представительством мало чем отличаются. Результатом стала серия восстаний — восстание Шейса, восстание из-за виски, восстание Фриза и многие другие — все они были жестоко подавлены. Новое демократическое правительство преуспело в умиротворении населения там, где Британская империя потерпела неудачу, благодаря лояльности многих из тех, кто восстал против короля: ведь новое правительство было их представителем, не так ли?

Эта история повторяется снова и снова. Во время французской революции 1848 года префект полиции временного правительства вошел в офис, освобожденный префектом полиции короля, и взял на вооружение те же документы, что и его предшественник. В XX веке при смене власти от диктатуры к демократии в Греции, Испании и Чили, а не так давно в Тунисе и Египте социальные движения, которые свергли диктаторов, должны были продолжать борьбу против той же полиции в условиях демократического режима. Это *kratos*, который иногда называют «глубинным государством», переходящий от одного режима к другому.

Законы, суды, тюрьмы, спецслужбы, сборщики налогов, армии, полиция — большинство инструментов принудительной власти, которые мы считаем репрессивными при монархии или диктатуре, действуют тем же образом в условиях демократии.

Тем не менее, когда нам разрешено голосовать за тех, кто их контролирует, мы должны относиться к ним как к своим, даже когда эти инструменты используют против нас. Это великое достижение двух с половиной веков демократических революций: вместо того, чтобы упразднить средства, которыми управляли цари, их стали широко использовать.

«Учредительное Собрание есть орудие в руках привилегированных классов в то время, когда невозможна диктатура, используемое в целях либо предотвращения революции, либо, если революция уже разразилась, замораживания ее развития под предлогом легализации, и, как следствие, отказа от большей части революционных достижений.»

— Эррико Малатеста, Отказ от Учредительного собрания как отказ от диктатуры
Передача власти от правителей к собраниям помогла преждевременно остановить революционные движения со времен американской революции. Вместо того, чтобы принести изменения, которых они добивались с помощью прямого действия, повстанцы доверили эту задачу своим новым представителям у руля государства — только чтобы увидеть как их мечты будут преданы.

Государство действительно сильное, но одно, чего оно не может сделать, это освободить своих подданных. Не может, потому что оно основывает свое бытие из их подчинения. Оно может подчинять других, командовать и концентрировать ресурсы, может налагать налоги и обязанности, давать права и делать уступки — утешительные призы для подконтрольных, но оно не может предлагать самостоятельность. Kratos может господствовать, но не может освободить.

Вместо этого представительная демократия обещает возможность править друг другом на сменяемой основе: распределенное и временное царство — рассеянное, динамичное, но все же иерархичное, как фондовый рынок. На практике, хотя это правление делегировано, всё равно есть правители, которые обладают огромной властью по отношению ко всем остальным. Обычно, как Буши и Клинтон, они родом из де-факто правящего класса. Этот правящий класс имеет тенденцию занимать верхние эшелоны всех других иерархий нашего общества, как формальных, так и неформальных. Даже если политик вырос среди плебеев, чем больше он пользуется властью, тем больше его интересы расходятся с интересами тех, кем он правит. Но настоящая проблема — не намерения политиков, а аппарат самого государства.

Соревнуясь за право управлять силами принуждения государства, противники никогда не ставят под сомнение ценность самого государства, даже если на практике они всегда только страдают от принуждения. Представительная демократия создает клапан регулирования давления: когда люди недовольны, они представляют свои взгляды на следующих выборах и принимают государство как само собой разумеющееся. И в самом деле, если вы хотите положить конец корпоративной спекуляции или разрушению окружающей среды, разве государство не является единственным инструментом, достаточно эффективным для этого? Неважно, что именно государство привело к условиям, в которых эти проблемы стали возможны.

«Свободные выборы господ не отменяют противоположности господ и рабов. Свободный выбор среди широкого разнообразия товаров и услуг не

означает свободы, если они поддерживают формы социального контроля над жизнью, наполненной тягостным трудом и страхом, — т. е. если они поддерживают отчуждение. Также спонтанное воспроизводство индивидом навязываемых ему потребностей не ведет к установлению автономии, но лишь свидетельствует о действенности форм контроля.»

— Герберт Маркузе, Одномерный человек

Уже много сказали о демократии и политическом неравенстве. Как насчет экономического неравенства, которое с самого начала сопровождало демократию? Вы могли бы подумать, что система, основанная на принципе большинства, будет стремиться к уменьшению неравенства между богатыми и бедными, поскольку большинство составляют бедные. Тем не менее, как и в Древнем Риме, нынешний подъем демократии сочетается с огромными пропастями между имущими и неимущими. Как это возможно?

Подобно тому, как капитализм сместил феодализм в Европе, представительная демократия оказалась более устойчивой, чем монархия, потому что она предлагала подвижность внутри вертикали государства. Доллар и бюллетень являются одновременно механизмами иерархического распределения власти таким образом, чтобы не оказывать давление на сами иерархии. В отличие от политического и экономического застоев феодальной эпохи, капитализм и демократия непрерывно перераспределяют власть. Благодаря этой динамичной гибкости, у потенциального повстанца есть больше шансов улучшить свой статус в существующем порядке, чем его свергнуть. Следовательно, оппозиция, как правило, подпитывает политическую систему изнутри, а не угрожает ей.

Представительная демократия относится к политике, как капитализм к экономике. Желания потребителя и избирателя представлены валютами, которые обещают индивидуальное расширение прав и возможностей, но безжалостно концентрируют власть на вершине социальной пирамиды. Пока власть сосредоточена там, достаточно легко заблокировать, подкупать или уничтожить всех, кто угрожает самой пирамиде.

Это объясняет, почему, когда институты демократии создавали проблемы реализации интересов богатых и могущественных людей, они могут приостановить действие закона, чтобы справиться с этой проблемой — пример этого ужасные судьбы братьев Гракхов в Древнем Риме и Сальвадора Альенде в современном Чили. В рамках государства собственность всегда важнее демократии.

«В представительной демократии, как и в капиталистической конкуренции, предположительно, у каждого есть шанс, но только единицы выбираются наверх. Если вы не победили, значит, не приложили достаточно усилий! Точно такая же рационализация используется при оправдании несправедливостей сексизма и расизма: ну вы, ленивые выродки, вы могли бы быть Биллом Косби и Хиллари Клинтон, если бы только работали упорнее. Но все мы на верхушке не поместимся, как бы много сил мы ни прикладывали.

Когда реальность создают медиа, а доступ к ним определяется размерами кошелька, выборы — не более чем рекламные кампании. Законы рыночной конкуренции определяют, какой лоббист получит ресурсы, чтобы задать критерии, по которым избиратели будут делать свой выбор. В сложившихся обстоятельствах политическая партия — это бизнес по вложению инвестиций в легитимность. Глупо ожидать, что политики выступят против интересов своих клиентов, ведь их власть напрямую зависит от их поддержки.»

— Работа

Прямая демократия: правление без государства?

Вернемся к настоящему. Африка и Азия стали свидетелями новых движений в пользу демократии; между тем многие люди в Европе и Америке, разочарованные неудачами представительной демократии, возлагают надежды на прямую демократию, переходя от модели Римской республики к ее афинской прародительнице. Если проблема в том, что правление не отвечает нашим потребностям, может стоит сделать его более коллективным, так что у нас будет власть напрямую, а не через делегирование его политикам?

Но что это значит? Означает ли это голосование по принятию законов, а не выбору законодателей? Или свержение господствующего правительства и создание на его месте правительства федеративных собраний? Или что-то другое?

«Подлинная демократия возможна лишь при участии самого народа, а не его представителей. Парламенты стали узаконенным барьером, мешающим народу осуществлять свою власть, отстранившим массы от участия в политике и монополизировавшим их власть. Народу оставлено чисто внешнее фальсифицированное проявление демократии — право на стояние в длинных очередях к урнам на избирательных участках.»

— Муаммар Аль-Каддафи. Зеленая Книга

С одной стороны, если прямая демократия — это всего лишь более коллективный и времязатратный путь для управления государством, он может привести нас к разговорам о деталях правления, но сохранит централизацию власти, которая присуща демократии. Есть проблема масштаба: можем ли мы представить 219 миллионов избирателей, имеющих право голоса, непосредственно занимающихся деятельностью правительства США? Традиционный ответ заключается в том, что местные собрания направят представителей на региональные собрания, которые, в свою очередь, отправят представителей в национальную ассамблею, но тут мы уже говорим о представительной демократии. В лучшем случае, вместо того, чтобы периодически избирать представителей, мы можем представить непрерывную серию референдумов, спущенных сверху.

Одной из самых разумных версий этого видения — цифровая демократия или электронная демократия, которую пропагандируют такие группы, как пиратская партия. Пиратская партия уже включена в существующую политическую систему; но теоретически мы можем представить, что население связано с правительством через цифровые технологии и принимает все решения в отношении их общества большинством голосов в режиме реального времени. В такой системе мажоритарное правительство получило бы практически неоспоримую легитимность; однако наибольшая власть, вероятно, будет сосредоточена в руках технократов, которые администрируют систему. Они будут писать коды алгоритмов, которые определяют то, какая информация и какие вопросы продвинулись на первый план, это будет формировать систему понятий населения в тысячу раз более агрессивно, чем современная предвыборная реклама.

«У цифрового проекта по сокращению института представительства есть общее с программой электоральной демократии, в которой могут действовать только представители, действующие по определённым каналам. Оба против всего, что нельзя посчитать и упростить, вписывая человечество в прокрустово ложе. Будучи электронными демократиями, они представили бы возможность проголосовать по огромному количеству мелочей, в то время как сама инфраструктура не подвергалась бы сомнениям — чем более широкое участие в системе, тем более она „законна“.»

– Deserting the Digital Utopia

Но даже если бы такая система могла бы работать идеально, хотим ли мы в принципе сохранить централизованное правление большинства? Сам факт участия не делает политический процесс менее принудительным. До тех пор, пока большинство может принуждать к своим решениям меньшинство, мы говорим о системе,

идентичной по духу с той, которая главенствует в США сегодня, — системой, которая также требует тюрем, полиции и сборщиков налогов, или ещё кого-то с теми же функциями.

Настоящая свобода — это не важность процесса ответа на вопросы, но то насколько мы сами можем формулировать эти вопросы, и можем ли мы помешать другим навязывать нам ответы. Институты, которые работают при диктатуре или избранном правительстве, не менее репрессивны, когда они наняты непосредственно большинством без посредничества представителей. В конечном счете, даже самое прямое демократическое государство скорее концентрирует власть, чем увеличивает свободу.

С другой стороны, не все считают, что демократия — это средство государственного управления. Некоторые сторонники демократии пытались изменить понятие, утверждая, что истинная демократия происходит только вне государства и против монополии на власть. Противникам государства это представляется стратегическим шагом, поскольку он присваивает всю легитимность, которая была вложена в демократию на протяжении трех веков народных движений и самоуверенную государственную пропаганду. Однако в этом подходе есть три фундаментальные проблемы.

«Во-первых, демократия не есть форма Государства. Это в первую очередь, реальность власти народа, которая никогда не совпадает с формой Государства. Всегда будет напряжение между демократией, как опытом совместной власти мысли и действия, и — Государством, чей главный принцип — присвоение этой власти ... власть граждан это их полномочие действовать для самих себя, учреждать себя как автономную силу. Гражданство это не прерогатива, связанная с фактом регистрации, как жителя и избирателя в конкретном государстве, это кроме всего — практика действия, которую нельзя делегировать.»

– Жак Рансьер

Во-первых, он не имеет ничего общего с подлинной историей. Демократия возникла как форма государственного правления; практически все известные исторические примеры демократии осуществлялись через государство или, по крайней мере, людьми, которые стремились управлять. Положительные ассоциации, которые связаны у нас с демократией, как набор абстрактных желаний, появились позже.

Во-вторых, этот подход создает путаницу. Те, кто продвигает демократию как альтернативу государству, редко проводят значимое различие между ними. Если вы отказываетесь от представительства, силы принуждения и верховенства закона, но сохраняете все другие отличительные черты, которые делают демократию способом правления — гражданство, голосование и централизация легитимности в единой структуре принятия решений — вы в конечном итоге оставляете процедуры правительства без механизмов, которые делают их эффективными. Это сочетает в себе худшее из обоих миров. Это гарантирует, что те, кто ожидают от антигосударственной демократии, что она будет выполнять ту же функцию, что и государство, неизбежно будут разочарованы, создавая ситуацию, в которой антигосударствен-

ная демократия чаще всего порождает механизм, напоминающий государственную демократию, в меньших масштабах.

И наконец, это провальный путь. Если то, что вы подразумеваете под словом «демократия», может происходить только вне государства, то это создает существенную двусмысленность при использовании термина, который был связан с государственной политикой на протяжении 2500 лет. Большинство людей будет думать, что говоря «демократия» вы всё таки связываете его с государством. Так появляется основа для государственных партий и стратегий восстановления легитимности в глазах общественности, даже после полной дискредитации. Политические партии «Подмос» и «Сириза» нашли поддержку на оккупированных площадях Барселоны и Афин благодаря своей риторике о прямой демократии, только чтобы пробраться в залы правительства, где сейчас ведут себя как любая другая политическая партия. Они все еще делают демократию, только всё более и более эффективно. Без понятий, которые бы различали то, что они делают в парламенте от того, что люди делают на площадях, этот процесс повторяется снова и снова.

«Мы все должны быть одновременно правителями и подданными, или система правителей и подданных — единственная альтернатива ... Другими словами, свободу можно поддерживать только путем разделения политической власти, и это распределение происходит через политические институты.»

– Синди Милштейн, «Демократия напрямую»

Когда мы называем нашу деятельность против государства практикой демократии, мы закладываем основу того, чтобы наши усилия были поглощены более крупными репрезентативными структурами. Демократия — это не просто способ управления аппаратом правительства, но и его возрождение и легитимизация. Кандидаты, партии, режимы и даже форма правления могут время от времени меняться, когда становится ясно, что они не могут решить проблемы своих избирателей. Но таким образом, само правительство — источник по крайней мере некоторых из этих проблем — сохраняется. Прямая демократия — это всего лишь самый современный способ его [правительства] ребрендинга.

Даже без знакомых атрибутов государства любая форма правления нуждается в способе определения того, кто может участвовать в принятии решений и на каких условиях — ещё раз, кого считать *demos*. Вначале эти условия могут быть расплывчатыми, но они будут более конкретными, чем старее структура, тем выше ставки. И если нет способа обеспечения исполнения решений — нет *kratos* — процессы принятия решений правительства будут менее значимы, чем решения, которые люди приняли автономно. Это парадокс проекта «правительства без государства».

Эти противоречия достаточно жестко представлены в описании либертарного муниципалитета Мюррея Букчина как альтернативы государственному управлению. В либертарном муниципалитете Букчин объяснил, что элитарная и откровенно авангардная организация, которая руководствуется законами и Конституцией будет в итоге принимать решения большинством голосов. Они будут выдвигать кандидатов на выборах в городские советы, имея долгосрочную цель — создание конфедерации,

которая могла бы заменить государство. Как только такая конфедерация появляется, членство в ней становится обязательным, даже если участвующие муниципалитеты хотят выйти. Те, кто пытается установить правительство без государства, скорее всего, получают нечто вроде государства под другой вывеской.

Важно различие не между демократией и государством, а между правительством и самоопределением. Правительство — это осуществление власти над определенным пространством или государством: независимо от того, является процесс диктаторским или коллективным, конечный результат — установление контроля. Напротив, самоопределение означает принятие решения о своих возможностях на собственных условиях: когда люди участвуют в этом вместе, не управляют друг другом, а поддерживают общую автономию. Свободно заключенные соглашения не нуждаются в принудительном исполнении; а системы, которые сосредотачивают легитимность в одном учреждении или процессе принятия решений требуют его всегда.

Странно использовать слово «демократия» для идеи, отрицающей государство по своей сути. Правильное слово для этой идеи — анархизм. Анархизм выступает против всякого исключения и господства, но за радикальную децентрализацию власти, процессов принятия решений и понятий законности. Речь идет не о правлении, а невозможности навязать какую-либо форму правления.

Консенсус и Иллюзия о единогласном правиле

«Этот акт вандализма не согласован с Генеральной Ассамблеей»

Если общими знаменателями демократического правления являются гражданство и поддержание общественного порядка — *demos* и *kratos* — самая радикальная демократия расширит эти категории до мирового масштаба: всемирное гражданство, общественная охрана порядка. В идеальном демократическом обществе каждый человек будет гражданином, и каждый гражданин будет полицейским.

В самом бескомпромиссном варианте этой логики правило большинства будет означать правило консенсуса: не правило большинства, но всеобщее правило. Чем ближе мы достигаем единогласия, тем более легитимным воспринимается правительство. Может быть правительство на основе правила консенсуса будет самым законным? Тогда, наконец, никому не понадобится играть роль полиции.

«Если брать этот термин в точном его значении, то никогда не существовала подлинная демократия, и никогда таковой не будет... Нельзя себе представить, чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами.»

— Жан-Жак Руссо, Об общественном договоре

Очевидно, что это невозможно. Но стоит задуматься о том, что за утопия получится из идеализации прямой демократии как формы правления. Представьте себе тоталитаризм, который нужно было бы создать для достаточного единства при управлении обществом с помощью процесса консенсуса, чтобы заставить всех прийти к согласию. Вот так можно сократить всё до самого низкого общего знаменателя! Если альтернатива принуждению — отмена несогласия, обязательно должен быть третий путь.

Эта проблема вышла на первый план во время движения Оссиру. Некоторые участники считали общие собрания руководящими органами движения; с их точки зрения, недемократично предпринимать действия без единогласного разрешения. Другие считали собрания местом встречи без нормативных полномочий, в которых люди могли обмениваться фактами и идеями, формируя гибкие группы вокруг общих целей при создании акции. Первые чувствовали себя преданными, когда их товарищи по Оссиру занимались тактиками, которые не были согласованы на общем собрании; последние возражали, что не имеет смысла предоставлять право вето произвольно созданной массе, включая буквально всех, кто был на улице.

Возможно, ответ заключается в том, что структуры принятия решений должны быть децентрализованными, а также основанными на консенсусе, чтобы всеобщее согласие не требовалось. Это шаг в правильном направлении, но он приводит к новым вопросам. Как люди должны быть разделены на объединения? Как определяется область влияния собрания или объем решений, которые оно может сделать? Кто определяет, в каких ассамблеях может участвовать человек или на кого больше всех влияет принятое решение? Как разрешаются конфликты между собраниями? Ответы на эти вопросы будут либо регламентировать набор правил, регулирующих легитимность, либо будут устанавливать приоритетность добровольных форм ассоциаций. В первом случае правила, скорее всего, со временем закостенеют, так люди будут ссылаться на протокол для разрешения споров. В последнем случае структуры принятия решений будут непрерывно меняться, разрушаться, конфликтовать и

вновь возникать в естественных процессах, которые вряд ли можно назвать правлением. Когда участники процесса принятия решений могут свободно выйти из него или участвовать в деятельности, которая противоречит решениям, то это не правительство, а просто общение.

«Демократическое правление предполагает дискуссию, но эффективным оно может быть лишь в том случае, если вы способны заставить людей замолчать.»

— Клемент Эттли, премьер-министр Великобритании, 1957

С одной стороны, это вопрос акцентов. Действительно ли наша цель — это создать идеальные институты, сделать их максимально горизонтальными и доступными, но при этом полагаясь на них как на окончательные принципы власти? Или наша цель — максимальная свобода, в каком случае какое-либо конкретное учреждение, которое мы создаем, подчиняется свободе и, таким образом, неприемлемо? Еще раз — что признается законным, структуры или наши потребности и желания?

Даже в лучшем случае институты — это всего лишь средство для достижения цели; они не имеют ценности сами по себе. Никто не должен быть обязан придерживаться протокола любого учреждения, которое подавляет ее/его свободу или не отвечает ее/его потребностям. Если бы все были вольны создавать что-то с другими людьми на чисто добровольной основе, это был бы лучший способ формирования социальных объединений, которые действительно отвечают интересам участников: поскольку, когда структура не удовлетворяет всех участников, они смогут улучшить или заменить её. Такой подход не приведет всё общество к консенсусу, но это единственный способ гарантировать, что консенсус будет полноценным и желанным, если он возникнет естественным образом.

Исключенные: Раса, Пол и Демократия

Мы часто слышим аргументы в пользу демократии, будто это самая инклюзивная форма правления и она лучше всего подходит для борьбы с расизмом и сексизмом в нашем обществе. Однако до тех пор, пока категории правителей/управляемых и включенных / исключенных, встроены в структуру политики, зашифрованные как «большинство» и «меньшинства», даже если меньшинства превышают большинство, дисбаланс власти по расовым и гендерным линиям всегда будет отражаться неравенством в политической власти. Вот почему женщины, чернокожие люди и другие группы по-прежнему не имеют политического влияния, соответственно их численности, несмотря на то, что якобы имеют право голоса на протяжении столетия или дольше.

«Мы ничего не получили от американской демократии. Мы только страдали от лицемерия Америки»

— Малкольм Икс, «Избирательный бюллетень или пуля»

В «Отмене Белой Демократии» Джоэл Олсон представляет неотразимую критику того, что он называет «белой демократией» — концентрация демократической политической власти в руках белых посредством межклассового союза обладателей белых привилегий. Но он принимает как должное то, что демократия — наиболее желательная система, и предполагает, что белое превосходство — это случайное препятствие для ее функционирования, а не её естественное следствие. Если демократия — идеальная форма равноправных отношений, почему она была вовлечена в структурный расизм практически на протяжении всего своего существования?

Там, где политика строится как борьба в духе «кто сильнее тот и прав», те, кто обладают властью, не хотят делиться ею с другими. Вспомните о мужчинах, которые выступали против всеобщего избирательного права и о белых, которые выступали против расширения прав голоса для цветных людей: структуры демократии не препятствовали их нетерпимости, но поощряли их её узаконить.

Олсон проследил за тем, как правящий класс укреплял белое превосходство, чтобы внести разногласия рабочий класс, но он упустил из виду то, что демократические структуры отдали себя на пользу этому процессу. Он утверждает, что мы должны содействовать классовой солидарности в ответ на эти разногласия, но (как Бакунин возражал Марксу) различие между управляющим и управляемым само по себе является классовой разницей — вспомните о древних Афинах. Расистское отчуждение всегда было оборотной стороной гражданства.

«Установив рабовладельческое общество, Америка создала экономическую основу для своего великого эксперимента в области демократии ... Незаменимый рабочий класс Америки существовал как собственность за пределами политики, в результате чего белые американцы свободно трубили о своей любви к свободе и демократическим ценностям».

— Та-Нехиси Коутс, «Доводы в пользу репараций»

Таким образом, с политической точки зрения белое превосходство не только приводит в результате к расовому неравенству в экономических возможностях, но и производит его. Разделение на этносы и расы укрепилось в нашем обществе задолго до наступления капитализма; конфискация еврейской собственности во времена Инквизиции финансировала первоначальную колонизацию Северной и Южной Америки, а разграбление Америки и порабощение африканцев обеспечили исходный начальный капитал для развития капитализма в Европе, а затем в Северной Америке. Возможно, что расовое деление может пережить следующий массовый экономический и политический сдвиг, например, как в виде элитарных собраний преимущественно белых (или евреев, или даже курдских) граждан.

Простого решения этой проблемы не существует. Реформаторы часто говорят о том, чтобы сделать нашу политическую систему более «демократической», под-разумевая большее включение всех и равноправие. И все же, когда их реформы узаконивают и укрепляют правительственные институты, это только придаёт авторитет этим институтам, когда они нападают на определённых и маргинальных людей — это доказывает массовое лишение свободы чернокожих людей со времени движения за гражданские права. Малкольм Х и другие сторонники черного сепаратизма были правы, что демократия белых никогда не дала бы свободы черным

людям — не потому, что белые и черные люди никогда не смогут жить в мире, а потому, что, когда политика направлена на борьбу за централизованную власть, демократическое управление приводит к конфликтам которые исключают мирное сосуществование. Современный расовые конфликты могут быть решены, за счет установления новых децентрализованных отношений, а не путем интеграции исключенных в политический порядок элит.

«До тех пор, пока есть полиция, кого вы думаете, что они будут преследовать? Пока есть тюрьмы, кто, по вашему мнению, будет в них сидеть? Пока есть бедность, кто, по вашему мнению, будет бедным? Наивно полагать, что мы можем достичь равенства в обществе, основанном на иерархии. Вы можете перетасовать карты, но колода не поменяется.»

– To Change Everything

До тех пор, пока мы считаем, что мы вместе строим демократию — как правительство формируемое через законный процесс принятия решений — мы можем понять, что законность призвана оправдывать программы, которые функционально поддерживают белый расизм, от государственной политики до решений отдельных представителей. (Вспомните, например, о напряженности между процессами принятия решений преимущественно белых ассамблей и менее белых протестных лагерей во многих группах движения Оккупай). Только когда мы отбросим идею о необходимости законности любого политического процесса, мы сможем избавиться от последнего оправдания расового неравенства, характерного для любого демократического правления.

Говоря о поле, мы можем по-новому взглянуть на утверждения Люси Парсонс, Эммы Голдман и других женщин о том, что требование избирательного права для женщин не имеет смысла. Почему кто-то отказывается от участия в избирательной политике, какой бы несовершенной она ни была? Коротко, ответ заключается в том, что они хотели полностью упразднить правительство, а не сделать его более представительным. Но, присмотревшись, мы найдем некоторые более конкретные причины, по которым люди, занимающиеся эмансипацией женщин, с подозрением относятся к праву голоса.

«История политической деятельности мужчин доказывает, что эта активность не дала им абсолютно ничего, чего они не смогли бы достичь более прямыми, менее дорогостоящими и более долгосрочными методами. По сути дела, каждая пядь отвоеванной земли получена путем непрекращающихся битв, нескончаемой борьбы за отстаивание своего превосходства, но никак не при помощи права голоса. Поэтому нет никаких причин предполагать, что избирательный бюллетень уже как-то помог или поможет в будущем женщине в ее стремлении к эмансипации»

— Эмма Голдман, «Женское избирательное право»

Вернемся к *polis* и *oikos* — городу и домохозяйству. Демократические системы опираются на формальное различие между публичной и частной сферами; публичная

Эмма Гольдман

сфера является местом принятия всех законных решений, в то время как частная сфера исключается или сбрасывается со счетов. Во многих обществах и эпохах это разделение было глубоко гендерно обусловленным: мужчины господствовали в публичном пространстве — собственность, оплачиваемый труд, правительство, менеджмент и на улицах — в то время как женщины и те, и те кто не встраиваются в категории мужского и женского, были отодвинуты в приватную сферу: домашнее хозяйство, кухня, семья, воспитание детей, секс-работа, уход за семьей, другие формы невидимого и неоплачиваемого труда.

Поскольку демократические системы централизуют полномочия принимать решения и власть в публичной сфере — это воспроизводит патриархальные властные структуры. Наиболее наглядно это проявляется, когда женщины формально исключаются из голосования и политики, но даже там, где это не так, они часто сталкиваются с неформальными препятствиями в публичной сфере, неся чрезмерную ответственность в частной.

Включение большего числа участников в общественную сферу способствует дальнейшей легитимации пространства, в котором женщины и те, кто не соответствует гендерным нормам, находятся в невыгодном положении. Если «демократизация» означает перенос принятия решений из неформального и личного пространства на более общественный политический уровень, то в результате некоторые формы женской власти могут ослабнуть. Например, низовые приюты для женщин в США, созданные в 1970-х годах, были профинансированы за счет государства до такой степени, что к 1990-м годам женщины, которые их основали, больше не могли претендовать на управленческие должности в них.

Поэтому мы не можем надеяться на степень формального участия женщин в общественной сфере как показатель освобождения. Вместо этого мы можем деконструировать гендерное различие между государственным и личным, признавая то, что происходит в личных отношениях, семьях, домашних хозяйствах, кварталах, социальных сетях и других пространствах, которые не считаются частью политической сферы. Это не означает придания официального характера этим пространствам или интеграцию их в якобы гендерно-нейтральную политическую практику, а скорее узаконит разнообразие способов принятия решений, признавая разнообразие проявлений власти в обществе.

Существует два способа реагирования на мужское господство в политической сфере. Во-первых, попытка сделать доступным и инклюзивным формальное общественное пространство, например, путем регистрации женщин для голосования, предоставления ухода за детьми, установления квот при принятии решений, оценка значимости того, кому разрешено выступать в дискуссиях, или даже, как в Рожаве, создание женских собраний с правом вето. Эта стратегия направлена на достижение равенства, но она по-прежнему предполагает, что вся власть должна находиться в общественной сфере. Альтернатива — это определение мест и практик принятия решений, которые уже сейчас позволяют не пользоваться мужскими привилегиями и которые гарантируют большее влияние. Этот подход опирается на давние феминистские традиции, которые считают жизни людей и их опыт важнее формальных структур и идеологий, признавая важность разнообразия и оценивая те аспекты жизни, которые обычно остаются невидимыми.

Эти два подхода могут сочетаться и дополнять друг друга, но только если мы избавимся от идеи о том, что вся легитимность должна быть сосредоточена в единой организационной структуре.

Аргументы против автономии

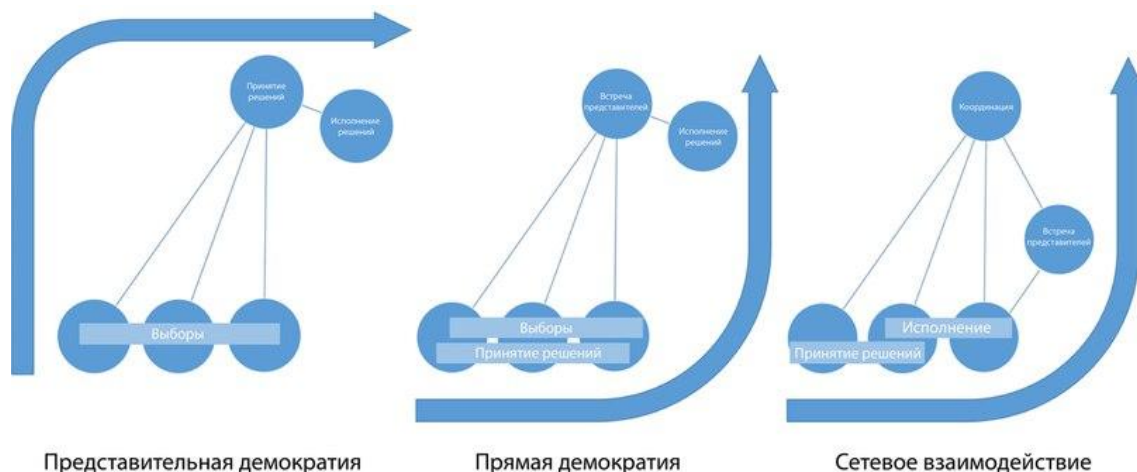
Есть несколько аргументов против того, что структуры принятия решений должны быть добровольными, а не обязательными, децентрализованными, а не монолитными. Нам говорят, что без центрального механизма разрешения конфликтов общество будет разлагаться до состояния гражданской войны; что невозможно защититься от централизованных агрессоров без центральной власти; что нам нужен аппарат центрального правительства для борьбы с угнетением и несправедливостью.

Фактически, централизация власти может как провоцировать, так и преодолевать конфликты. Когда каждый должен завоевывать рычаги влияния на структуры государства, чтобы контролировать условия своей собственной жизни, это неизбежно приводит к разногласиям. В Израиле/Палестине, Индии/Пакистане и других местах, где люди разных религий и этнических групп сосуществовали автономно в условиях относительного мира, колониально навязанный императив борьбы за политическую власть в рамках единого государства вызвал затяжное этническое насилие. Такие конфликты были обычным делом в американской политике XIX века, также они породили войны банд вокруг выборов в Вашингтоне и Балтиморе или гражданской войны в Канзасе. Если эти битвы в США уже прошли, это не значит, что государство разрешило все возникшие в них конфликты.

Централизованное правительство, которое преподносится, как способ разрешения споров, просто укрепляет свою власть, так что победители могут сохранять свое положение силой оружия. И когда централизованные структуры разрушаются, как это произошло в Югославии во время введения демократии в 1990-х годах, последствия могут быть кровавыми. В лучшем случае централизация только откладывает конфликты, которые, подобно долгам, наращивают свой размер.

Но есть ли шанс у децентрализованных сетей устоять против централизованных силовых структур? Если нет, то вся дискуссия не актуальна, так как любая попытка экспериментировать с децентрализацией будет подавлена более централизованными противниками.

Ответ еще предстоит найти, но современные централизованные силы отнюдь не уверены в своей неуязвимости. Уже в 2001 году корпорация RAND утверждала, что децентрализованные сети, а не централизованные иерархии, станут могущественными игроками XXI века. За последние два десятилетия, от так называемого антиглобалистского движения до Оккупай и курдского эксперимента с автономией в Рожаве, инициативы, которым удалось открыть пространство для новых экспериментов (как демократических, так и анархических), были децентрализованы, в то время как более централизованные попытки, такие как СИРИЗА (левая партия в Греции — прим. пер.), были почти сразу же кооптированы. В настоящее время широкий круг ученых теоретизирует отличительные особенности и преимущества сетевой организации.

Наконец, возникает вопрос о том, нужен ли обществу централизованный политический аппарат, чтобы остановить угнетение и несправедливость. Первая инаугурационная речь Авраама Линкольна, произнесенная в 1861 году в канун гражданской войны, это одно из самых сильных выражений этого аргумента. Её стоит процитировать:

Ясно, что центральная идея сторонников раскола — это, в сущности, анархия. Единственным истинным сувереном свободного народа является большинство, которое удерживается в определенных рамках посредством конституционных сдержек и ограничений и всегда легко и взвешенно меняется вместе с изменениями мнений и чувств народа. Всякий, кто отвергает это, неизбежно скатывается к анархии или деспотизму. Единодушие невозможно. Правление меньшинства, как перманентное устройство, совершенно недопустимо, так что, если отклонить принцип большинства, ничего не остается, кроме анархии или деспотизма в той или иной форме.

Реально говоря, мы не можем разделиться. Мы не можем отгородить наши страны друг от друга или построить между ними непреодолимую стену. Муж и жена могут развестись и выйти за пределы сферы общения друг с другом и досягаемости друг друга, но различные части нашей страны не могут сделать это. Они не могут не оставаться лицом к лицу и сношения между ними, дружественные или враждебные, должны продолжаться. Возможно ли тогда после разделения сделать эти сношения более выгодными или более удовлетворительными, чем до этого? Разве чужестранцам проще заключать договоры, чем друзьям выработать законы? Разве легче соблюдать договоры между чужестранцами, чем законы среди друзей? Предположим, вы вступаете в войну, но вы не можете воевать вечно, и тогда, после того как обе стороны понесли многочисленные потери и ни одна из них не добилась успеха, вы прекращаете боевые действия, и перед вами снова встает все тот же старый вопрос: на каких условиях строить взаимоотношения.

Эта страна, со всеми ее учреждениями, принадлежит тем людям, которые ее населяют. Всякий раз, когда их начинает раздражать существующее правительство, они могут использовать свое конституционное право внести поправки в его деятельность либо свое революционное право разогнать или свергнуть его.

Если следовать этой логике достаточно далеко в современном глобализованном мире, вы дойдёте до идеи мирового правительства: правило большинства в масштабах всей планеты. Линкольн прав, выступая против сторонников консенсуса, что единогласное принятие решений невозможно и что те, кто не хочет, чтобы им управляло большинство, должны выбирать между деспотизмом и анархией. Его аргумент заключается о том, что чужие люди не могут заключать договоры легче, чем друзья, вот что делает существование законов убедительным. Но друзья не используют законы по отношению друг к другу — законы создаются, чтобы применять их на более слабых сторонах, тогда как договоры заключаются между равными. Правительство — это не про дружбу, да и свободному народу не нужен суверен. Если нам нужно выбирать между деспотизмом, властью большинства и анархией, то анархия — это самое близкое к свободе. То, что Линкольн называет нашим «революционным правом» свергнуть правительство.

Однако, ассоциируя анархию с отделением южных штатов, Линкольн наращивал критику автономности, которая отдаётся эхом и по сей день. Утверждается, что если бы не было федерального правительства, то рабство никогда не было бы отменено, и Юг не отменил бы сегрегацию или не предоставил бы гражданские права цветным. Эти насильственные меры против несправедливости должны были быть приняты вооруженными силами Союза, а через столетие — Национальной гвардией. В этом контексте пропаганда децентрализации, по-видимому, означает принятие рабства, сегрегации и Ку-клукс-клана. Без законного центрального руководящего органа какой механизм может заставить людей перестать угнетать?

Здесь есть несколько ошибок. Первая ошибка очевидна: из трех вариантов Линкольна: деспотизм, власть большинства и анархия — сепаратисты представляют деспотизм, а не анархию. Точно так же наивно полагать, что аппарат центрального правительства будет использоваться исключительно ради свободы. Та же Национальная гвардия, которая контролировала интеграцию на Юге, использовала боевые патроны, чтобы подавить черные восстания по всей стране; сегодня в американских тюрьмах в США почти так много чернокожих, как когда-то рабов. Наконец, не нужно отдавать всю легитимность одному руководящему органу, чтобы бороться против угнетения. Можно по-прежнему действовать, не используя для этого предлог по обеспечению соблюдения законов.

Противодействие централизации власти и легитимности не означает уход в тишину и покой. Некоторые конфликты должны происходить; без них не обойтись. Они происходят из-за действительно непримиримых разногласий, а навязывание ложного единства только откладывает их решение. В своей инаугурационной речи Линкольн умолял во имя государства приостановить конфликт между аболиционистами и сторонниками рабства — неизбежный и необходимый конфликт, который откладывался на протяжении десятилетий невыносимого компромисса. Между тем,

аболиционисты, такие как Нат Тернер и Джон Браун, стали действовать решительно, не нуждаясь в центральной политической власти, на самом деле, они начали действовать только потому, что не признавали ее. Если бы не давление, вызванное подобными автономными акциями/действиями, федеральное правительство никогда бы не вторглось на Юг; если бы больше людей проявили инициативу подобно Тернеру и Брауну, рабство было бы невозможным, и гражданская война не была бы необходимой.

Другими словами, проблема была не в том, что слишком много анархии, а в том, что слишком мало. Именно автономные действия, которое подняли вопрос рабства, а не демократическая дискуссия. Более того, если бы было больше сторонников анархии, а не власти большинства, то белые южане не смогли бы вернуть себе политическое превосходство на юге после периода Реконструкции.

Вспоминается еще один анекдот. Через год после инаугурационной речи Линкольн обратился к комитету свободных цветных людей и заявил, что они должны эмигрировать, чтобы найти другую колонию, такую как Либерия, в надежде, что за ними последует остальная черная Америка. Что касается отношений между освобожденными чернокожими и белыми американскими гражданами, он утверждал:

Нам лучше жить отдельно ... Часть наших людей не желают, как бы жестоко это ни звучало, чтобы свободные цветные люди оставались среди нас.

Так, в политической космологии Линкольна, polis белых граждан не может отделиться, но как только черные рабы из oikos уже не играют своей экономической роли, им лучше уйти. Это достаточно ясно иллюстрирует ситуацию: нация неделима, но исключенные люди воспринимаются как одноразовые предметы. Если бы рабы, освобожденные после гражданской войны, эмигрировали в Африку, они прибыли бы как раз вовремя, чтобы испытать ужасы европейской колонизации, в результате которой только в бельгийском Конго погибло десять миллионов человек. Надлежащее решение таких катастроф — не интеграция всего мира в единую республику, управляемую правилом большинства, а борьба со всеми институтами, которые делят людей на большинство и меньшинство — правителей и управляемых, какими бы демократичными они ни были.

Демократические препятствия к освобождению

За исключением войны или чуда, легитимность каждого конституционного правительства всегда разрушается; она может только разрушаться. Что бы ни обещало государство, ничто не может нам компенсировать необходимость передать кому-то контроль над нашей жизнью. Каждое конкретное недовольство подчеркивает системную проблему, хотя мы редко видим лес за деревьями.

Здесь появляется демократия: другие выборы, другое правительство, еще один цикл оптимизма и разочарования.

«Демократия — отличный способ обеспечить легитимность правительства, даже если оно плохо справляется с желаниями общественности. В

функционирующей демократии массовые протесты критикуют правителей. Они не критикуют фундаментальную природу политической системы государства».

— Ной Фельдман, «Tunisia's Protests Are Different This Time»

Но это не всегда умиротворяет население. За последнее десятилетие наблюдались движения и восстания по всему миру — от Оахаки до Туниса, от Стамбула до Рио-де-Жанейро, от Киева до Гонконга, в которых выражалась разочарованная и недовольная попытка взять дело в свои руки. Большинство из них сплотились вокруг стандарта всё большей и лучшей демократии, хотя это вряд ли было единодушным решением.

Учитывая, какой властью обладают над нами рынок и правительство, очень заманчиво представлять, что мы можем каким-то образом поменяться ролями и управлять ими. Даже те, кто не верит, что люди могут править правительством, обычно в итоге управляют единственным, что у них остается — собственным сопротивлением. Рассматривая протестные движения как к эксперимент по прямой демократии, они намеревались создать прототип более демократического мира.

Но что, если создание прототипов демократии является частью проблемы? Это объясняет, почему столь немногие из этих движений смогли стать непримиримой оппозицией структурам, которым они собрались противостоять. Возможно исключая Чиапас и Рожаву, все они были побеждены (Оккупай), реинтегрировались в функционирование господствующего правительства (СИРИЗА, Подемос) или, что еще хуже, свергли и заменили это правительство, не достигнув реальных изменений в обществе (Тунис, Египет, Ливия, Украина).

Когда движение стремится узаконить себя на основе тех же принципов, что и государственная демократия, в итоге оно пытается победить государство в его собственной игре. Даже если это удастся, награда за победу — кооптация и институционализация, либо в существующие структуры правительства или заново воссозданные. Таким образом, движения, которые начинаются как восстание против государства, в конечном итоге создают его заново.

«Время от времени вы бунтовали, но только для того, чтобы начать делать то же самое с нуля».

— Альберт Либертад, «Избиратели: вы настоящие преступники»

Мы можем обыграть это по-разному. Есть движения, которые подрезают себе крылья, утверждая, что они более демократичны, более прозрачны или более представительны, чем власть; движения, которые приходят к власти через избирательную политику, только для того, чтобы предать свои первоначальные цели; движения, которые продвигают тактику прямой демократии, которая оказывается полезной только для тех, кто стремится к государственной власти; и движения, которые свергают правительства, только что бы заменить их собой. Давайте рассмотрим их по очереди.

Если ограничить наши движения тем, о чем большинство участников смогут договориться заранее, мы, возможно, с самого начала не сможем оторваться от земли.

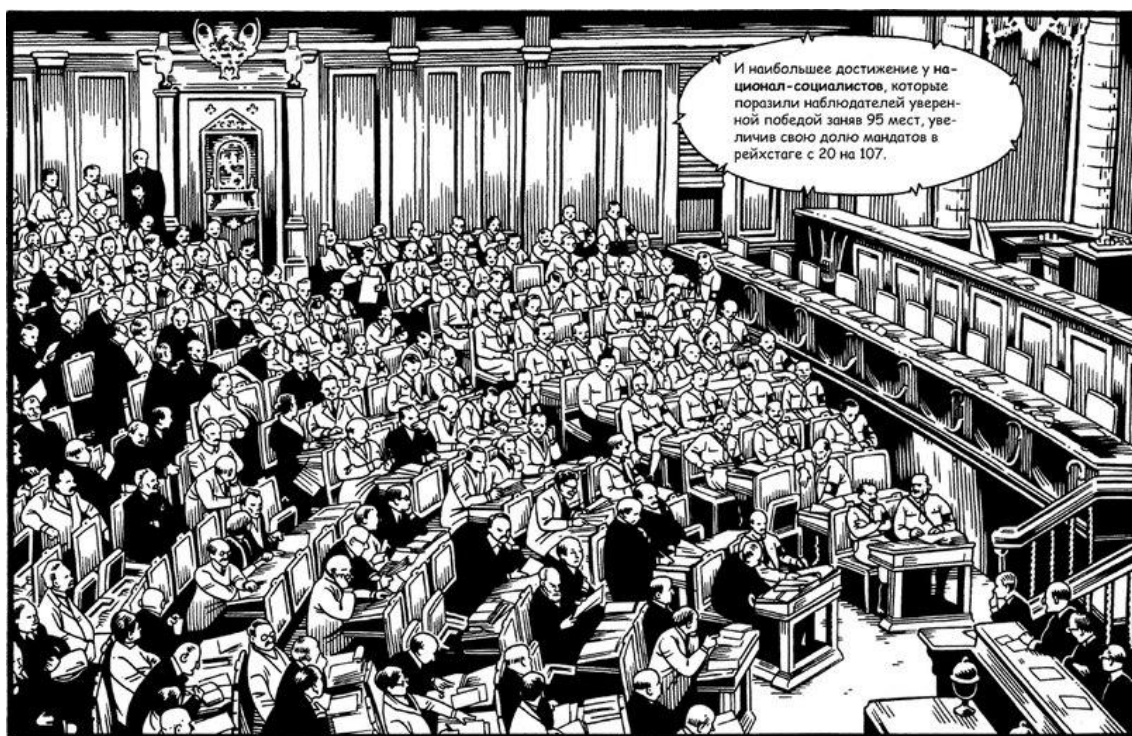
Когда большая часть населения принимает легитимность правительства и его законов, большинство людей не чувствуют, что они могут хоть как-то критиковать существующую структуру власти, независимо от того, насколько она плохо к ним относится. Следовательно, движение, принимающее решения большинством голосов или консенсусом, может с трудом согласиться использовать какую-либо, кроме самой символической тактику. Можете ли вы представить себе жителей Фергюсона, штат Миссури, на собрании, принимающем решение консенсусом о том, чтобы сжечь магазин QuikTrip и отбиваться от полиции? И все же были такие акции, которые спровоцировали появление движения Black Lives Matter («Жизнь чернокожих имеет значение»). Обычно люди должны испытать что-то новое, чтобы принять его; было бы ошибкой ограничивать целое движение рамками того, что уже знакомо большинству участников.

Точно так же, если мы настаиваем на том, чтобы наши движения были полностью прозрачными, это означает, что мы позволяем власти диктовать нам, какую тактику мы можем использовать. В условиях широкомасштабного внедрения агентов и слежки, принятие всех решений публично с полной информационной открытостью вызовет репрессии на любого, кто воспринимается как угроза статусу-кво. Чем более открытый и прозрачный орган, принимающий решения, тем более консервативными будут его действия, даже если это противоречит причине существования этого движения — вспомните обо всех экологических коалициях, которые никогда не предпринимали ни одного шага, чтобы остановить деятельность, которая вызывает изменение климата. В демократической логике имеет смысл требовать прозрачности от правительства, поскольку оно должно представлять людей и отвечать перед ними. Но уходя от этой логики, вместо того, чтобы требовать, чтобы участники социальных движений представляли друг друга и отвечали друг перед другом, мы должны стремиться максимально увеличить автономию их действий.

Если мы заявляем о своей легитимности на том основании, что мы представляем общественность, мы даём властям простой способ перехитрить нас, открывая возможность другим кооптировать наши усилия. До введения всеобщего избирательного права можно было утверждать, что движение представляет собой волю народа; но в настоящее время выборы привлекают больше людей на избирательные участки, чем даже самое массовое движение может мобилизовать на улицы. Победители выборов всегда смогут претендовать на то, чтобы быть представителем большего числа людей, чем тех кто готов участвовать в движениях. Аналогичным образом, движения, представляющие собой наиболее угнетенные слои общества, можно перехитрить включением символических представителей этих секторов в коридоры власти. И пока мы поддерживаем идею представительства, какой-то новый политик или партия могут использовать нашу риторику для прихода к власти. Мы не должны утверждать, что мы представляем каких-то людей — мы должны утверждать, что никто не имеет права управлять нами.

Что происходит, когда движение приходит к власти через избирательную политику? Победа Лулы и его Рабочей партии в Бразилии, казалось, представляла собой наилучший сценарий, когда партия, основанная из низовой радикальной организации, возглавляет государство. В то время в Бразилии базировались одни из самых мощных социальных движений в мире, в том числе кампания по земельной рефор-

ме MST (Движение безземельных работников), насчитывающая 1,5 млн. человек; многие из которых были связаны с Рабочей партией. Однако после того, как Лула занял свой пост в 2002 году, в социальных движениях начался резкий спад, который продолжался до 2013 года. Члены Рабочей партии отказались от работы на местах, чтобы занять позиции в правительстве, в то время как потребности реальной политики не позволили Луле предоставить уступки движениям, которые он ранее поддерживал. MST вынудило консервативное правительство, предшествовавшее Луле, легализовать многие виды землепользования, но оно не продвинулось ни на йоту при правлении Лулы. Эта картина повторялась по всей Латинской Америке, когда якобы радикальные политики предавали социальные движения, которые привели их на должность. Сегодня самые сильные общественные движения в Бразилии — это правые протесты против Рабочей партии. Нет никаких избирательных коротких путей к свободе.

Что, если вместо того, чтобы стремиться к государственной власти, мы сосредоточимся на продвижении непосредственно демократических моделей, таких как собрания районов? К сожалению, такая практика может быть использована для самых разных повесток. После восстания в Словении в 2012 году, в то время как самоорганизованные собрания районов продолжали проходить в Любляне, неправительственная организация, финансируемая городскими властями, начала организовывать собрания в «забытом» районе в качестве экспериментального проекта по «оживлению» района с явным желанием привлечь граждан к диалогу с правительством. Во время украинской революции 2014 года фашистские партии «Свобода» и «Правый сектор» стали известными благодаря демократическим ассамблеям на ок-

купированном Майдане. В 2009 году члены греческой фашистской партии «Золотой рассвет» присоединились к местным жителям в афинском районе Агиос Пантелеймонос в организации собрания, которое координировало нападения на иммигрантов и анархистов. Если мы хотим способствовать включенности и самоуправлению, недостаточно распространять риторику и процедуры представительной демократии. Нам необходимо распространить структуру, которая сама по себе противостоит государству и другим формам иерархической власти.

Даже явно революционные стратегии можно обернуть в пользу мировых держав во имя демократии. От Венесуэлы до Македонии мы видели, что государственные деятели и заинтересованные группы направляют подлинное народное инакомыслие в искусственные социальные движения, чтобы ускорить процесс выборов. Обычно цель — заставить правящую партию уйти в отставку, чтобы заменить ее более «демократическим» правительством, т. е. правительством, более подходящим для целей США или ЕС. Такие движения обычно борются с «коррупцией», имея в виду, что система будет работать очень хорошо, если у власти будут только правильные люди. Когда мы выходим на улицы, чтобы не быть обманутыми какой-то внешнеполитической инициативой, мы должны выступать не против какого-либо конкретного правительства, а против правительства как такового.

Египетская революция наглядно демонстрирует тупик демократической революции. После того, как сотни людей отдали свои жизни, чтобы свергнуть диктатора Хосни Мубарака и создать демократию, народные выборы привели к тому, что появился еще один автократ в лице Мохамеда Морси. Год спустя, в 2013 году, жизнь лучше не стала, и люди, которые инициировали революцию, снова вышли на улицы, чтобы выступить против результатов демократии, заставив египетских военных сместить Морси. Сегодня военные остаются фактическими правителями Египта, и те же угнетения и несправедливость, которые вдохновили две революции, продолжают. Варианты, в виде военных, Морси и восставшим народом — те же самые, которые Линкольн описал в своей инаугурационной речи: тирания, правление большинства и анархия.

Так, борясь с нищетой и угнетением, в конце мы всегда выступаем против самого государства. Пока мы подчиняемся правлению, государство будет по мере необходимости мотаться туда-сюда между правлением большинства и тиранией — двумя проявлениями одного и того же основного принципа. Государство может принимать множество форм; как растение, она может отмирать, а затем прорастать от корней. Это может быть форма монархии или парламентской демократии, революционной диктатуры или временного совета; когда власти бежали, а военные подняли мятеж, государство может сохраниться как зародыш, перевозимый партизанами порядка и протоколов на явно горизонтальном общем собрании. Все эти формы, пусть и демократические, могут переродиться в режим, способный сокрушить свободу и самоуправление.

Единственный верный способ избежать кооптации, манипуляции и оппортунизма — отказаться от легитимации любой формы правления. Когда люди решают свои проблемы и удовлетворяют свои потребности непосредственно через гибкие, горизонтальные, децентрализованные структуры, без лидеров которых можно подкупить, без формальных структур, которые могут застыть, без единого процесса захвата

власти. Откажитесь от концентрации власти, и те, кто хочет захватить власть, не смогут подкупить общество. Непокорным людям, вероятно, придется защищаться от потенциальных тиранов, ведь они никогда не перестанут стремиться к господству.

Про Свободу: Отправные точки

Классическая защита демократии состоит в том, что это наихудшая форма правления, если не считать всех остальных. Но если правительство само по себе является проблемой, то нам пора вернуться к чертежной доске.

Представить человечество без правительства — амбициозный проект; два столетия анархистской теории только затронули только малую часть этой темы. Для нашего анализа мы очертим несколько базовых ценностей, которые могли бы вывести нас за пределы демократии, и сделаем несколько общих предположений на понимание того, что мы можем сделать вместо государственного правления. Большую часть работы еще предстоит сделать.

«Анархизм представляет собой не самую радикальную форму демократии, а совершенно другую парадигму коллективного действия».

— Ури Гордон, Анархия жива!

Горизонтальность, Децентрализация, Автономия, Анархия

При тщательном анализе демократия не соответствует ценностям, которые привлекли нас в ней в первую очередь — политика равенства, инклюзивность, самоопределение. Помимо этих ценностей мы должны добавить горизонтальность, децентрализацию и автономию в качестве их незаменимых коллег.

Горизонтальность стала цениться с конца XX века. Начиная с восстания сапатистов, набирающего обороты антиглобалистического движения и восстания в Аргентине, идея структур без лидеров распространилась даже на мир бизнеса.

Но децентрализация так же важна, как и горизонтализация, если мы не хотим попасть в ловушку тирании равных, в которой все должны суметь договориться, чтобы кто-то смог что либо сделать. Вместо единого процесса, через который должны проходить все структуры, децентрализация — это множество площадок для принятия решений и множественные формы легитимности. Таким образом, когда власть распределяется неравномерно в одних условиях, она может быть уравновешена в другом месте. Децентрализация означает сохранение различий. Стратегическое и идеологическое разнообразие является источником силы для движений и общин, так же как биоразнообразие в естественном мире. Мы не должны ни разделяться в однородные группы под предлогом общности, ни сводить нашу политику к самым базовым общим знаменателям.

Децентрализация подразумевает автономию — способность свободно действовать по собственной инициативе. Автономия может использоваться на любом уровне —

один человек, один район, движение, целый регион. Чтобы быть свободным, вам нужно контролировать то, что окружает вас непосредственно и детали вашей повседневной жизни; чем более вы самодостаточны, тем надежнее ваша автономия. Это не обязательно означает удовлетворение всех ваших потребностей самостоятельно; это также может означать взаимосвязанность, которая дает вам рычаги воздействия на людей, от которых вы зависите. Ни одно учреждение не может монополизировать доступ к ресурсам или социальным отношениям. Общество, способствующее автономии, требует того, чтобы инженер ориентировался на наличие альтернатив: широкий спектр вариантов и возможностей во всех аспектах жизни.

Если мы хотим поощрять свободу, недостаточно просто заявлять об автономии мы должны создать анархию.

Демистификация институтов

Институты существуют, чтобы служить нам, а не наоборот. У них нет неотъемлемых прав на наше послушание. Мы никогда не должны вкладывать в них больше легитимности, чем необходимо нашим собственным потребностям и желаниям. Когда наши желания противоречат желаниям других, мы можем увидеть, способен ли институциональный процесс выработать решение, которое удовлетворило бы каждого; но как только мы предоставляем институтам право решать наши конфликты или диктовать нам решения, мы отрекаемся от нашей свободы.

Это не критика конкретной организационной модели, а аргумент в пользу «неформальных» структур вместо «формальных». Это скорее требование к нам относиться ко всем моделям как к временным, постоянно пересматривать и переосмысливать их. Там, где Томас Пейн хотел возвести на престол закон в качестве короля, где Руссо теоретизировал социальный контракт и где энтузиасты капитализма «превыше всего» мечтают об обществе, основанном только на договорах, мы возражаем, что, когда отношения действительно отвечают интересам всех участников, нет необходимости в законах или контрактах.

Так же это не аргумент в пользу чистого индивидуализма, ни за то, чтобы считать отношения за расходный материал, ни за взаимодействие только с теми, кто разделяет наши предпочтения. В переполненном, взаимозависимом мире мы не можем позволить себе отказываться от сосуществования или координации с другими. Дело просто в том, что мы не должны стремиться к нормированию и легализации взаимоотношений.

Вместо того, чтобы полагаться на план или протокол, мы можем постоянно оценивать институты: поощряют они взаимодействие или разногласия? Распределяют ли они полномочия или концентрируют власть в одном месте? Предлагают ли они каждому участнику возможность реализовать свой потенциал на собственных условиях или навязывают их извне? Способствуют ли они разрешению конфликтов на взаимоприемлемых условиях или наказывают всех, кто не вписывается в систему кодексов и законов?

«Он говорил нам, что мы никогда не должны позволять себе поддаваться соблазну признавать законы и институты существующими по праву при любом их рассмотрении, если наша совесть и разум осуждают их. Он предостерегал, что нас не должно волновать, что большинство, насколько бы велико оно не было, выступает против наших принципов и мнений; самые крупные варианты большинства порой бывали просто организованной толпой»

— Август Бонди писал о Джоне Брауне

Создание пространств для взаимодействия

Вместо формальных мест централизованного принятия решений, мы предлагаем множество пространств для встреч, где люди могут быть открыты друг перед другом и находить тех, ток разделяет их цели. Взаимодействие означает взаимное преобразование: создание общих ориентиров, общих дел. Пространство для встреч не является представительным органом, наделенным полномочиями принимать решения за других, а также руководящим органом, использующим правило большинства или консенсус. Это возможность для людей экспериментировать с деятельностью в разных формах на добровольной основе.

Представительный совет с самого начала предвещал демонстрации против зоны свободной торговли стран Южной и Северной Америки (ФТАА) 2001 года на саммите в Квебеке, как классическое пространство для взаимодействия. Эти встречи собрали широкий круг автономных групп, которые объединились со всего мира в знак протеста против ФТАА. Вместо того, чтобы пытаться принять общеобязательные решения, участники создавали свои группы и готовились внутри них. Значительная часть решений принималась впоследствии в неофициальных межгрупповых дискуссиях. Таким образом, тысячи людей смогли синхронизировать свои действия без центрального руководства, не задумываясь о широком спектре запланированных действий, которые должны были пройти. Если бы представительный совет использовал организационную модель основанную на единстве и централизации, участники могли бы всю ночь бесцельно спорить о целях, стратегии и о том, какую тактику выбрать.

Большинство социальных движений за последние два десятилетия были гибридными моделями, совмещающими пространства для взаимодействия с какой-то формой демократии. Например, в движении Оккупай лагерь служили открытыми пространствами для встреч, в то время как общие собрания были официально предназначены для работы в качестве органов принятия решений на принципах прямой демократии. Большинство из этих движений достигли большого успеха, потому что взаимодействие, которому они способствовали, открывало возможности для автономных действий, а не потому что они централизовали групповую деятельность посредством прямой демократии. Если мы подходим к взаимодействию, как к движущей силе этих движений, а не как к сырью, которое нужно обработать с помощью

демократического процесса, это может помочь нам лучше определить приоритеты нашей деятельности.

Анархисты, разочарованные противоречиями демократического дискурса, иногда уходят, чтобы организовать в ранее существовавшие аффинации-группы. Однако разделение порождает застой и раздробленность. Лучше делать что-то вместе на основе наших условий и потребностей и делать что-то со всеми, кто их разделяет. Только тогда, когда мы осознаем, что являемся связующим звеном в активных коллективах, а не отдельными субъектами со статическими интересами, мы сможем осознать быстрые метаморфозы, происходящие с людьми в ходе таких событий, как движение Оккупай, — и огромную силу взаимодействия для нашего преобразования, если мы будем к нему открыты.

Культивирование Коллективности, Сохранение Различий

Если ни одно учреждение, договор или закон не могут диктовать нам решения, как мы договоримся о наших обязанностях друг перед другом?

Некоторые из них предложили провести различие между «закрытыми» группами, в которых участники соглашаются отвечать друг перед другом за свои действия и «открытыми» группами, которые не должны достигать консенсуса. Но тут возникает вопрос: как провести четкую грань между ними? Если мы будем подотчетны нашим товарищам в закрытой группе только до тех пор, пока не решим из неё уйти, а мы можем уйти в любое время, то это мало чем отличается от участия в открытой группе. В то же время мы все вовлечены, нравится вам это или нет, в одну закрытую группу, у которой есть одно неотъемлемое пространство: земля. Поэтому речь идет не о том, чтобы различать пространства, в которых мы должны быть подотчетны друг другу от тех пространств, в которых мы можем действовать свободно. Вопрос заключается в том, каким образом стимулировать ответственность и автономию в любых масштабах.

С этой целью мы хотим создать взаимодополняющие коллективы на каждом уровне общества — пространства, в которых люди солидаризируются друг с другом и у них есть причина поступать друг с другом справедливо. Они могут принимать различные формы: от жилищных кооперативов и районных ассамблей до международных сетей. В то же время мы признаем, что нам придется постоянно их перенастраивать в зависимости от того, насколько близость и взаимозависимость полезны для участников. Когда конфигурация должна измениться, это не признак неудачи: напротив, это показывает, что участники не борются за гегемонию. Вместо того, чтобы считать групповое принятие решений стремлением к единодушию, мы можем воспринимать его как пространство возникновения различий, место, где разыгрываются конфликты и происходят трансформации, когда различные социальные группы сходятся и расходятся. Несогласие и разделение могут быть столь же желанными, как достижение согласия, если они происходят из благих побуждений; преимущества деятельности в больших количествах должны быть достаточными, чтобы не допускать беспричинных расколов между людьми.

Наши структуры должны помочь нам выявить различия, а не подавлять или скрывать их. Некоторые свидетели, возвращающиеся из Рожавы, сообщают, что когда собрание не может прийти к консенсусу, оно разбивается на два, разделяя их ресурсы между собой. Если это так, то это модель добровольной ассоциации, которая представляет собой значительное улучшение жесткого единомыслия демократии.

Урегулирование конфликтов

Иногда для разрешения конфликтов недостаточно разделения на отдельные группы. Чтобы отказаться от централизованного принуждения, мы должны придумать новые способы преодоления разногласий. Конфликты между теми, кто выступает против государства — одна из главных причин сохранения его превосходства. Если мы хотим создавать пространства свободы, мы не должны дробиться настолько, что мы не сможем защитить эти пространства, и мы должны разрешать конфликты, не создавая новый дисбаланс силы.

Одна из основных функций демократии — обеспечивать способ разрешения споров. Голосование, суды и полиция служат для разрешения конфликтов не обязательно действительно их решая; верховенство права эффективно использует модель «победитель получает всё» для преодоления различий. Благодаря централизации силы сильное государство может заставить враждующие стороны приостановить военные действия даже на взаимно неприемлемых условиях. Это позволяет ему подавлять формы борьбы, которые мешают государственному контролю, такие как классовая война, при этом содействуя таким формам конфликтов, которые подрывают горизонтальное и автономное сопротивление, например войне банд. Мы не можем разобраться в религиозном и этническом насилии нашего времени, не задумываясь о том, как государственные структуры провоцируют и усугубляют его.

Когда мы предоставляем институтам неотъемлемую легитимность, это дает нам повод не разрешать конфликты, полагаясь вместо этого на заступничество государства. Это дает нам алиби на разрешение споров силой и исключения тех, кто находится в структурно уязвимом положении. Вместо того, чтобы брать на себя инициативу и всё уладить напрямую, мы в итоге полагаемся на власть.

Если мы не признаем авторитет государства, у нас нет таких предлогов: мы должны находить взаимосогласованные решения или же страдать от последствий продолжающейся борьбы. Это дает нам стимул серьезно относиться к потребностям и взглядам всех сторон, развивать навыки, позволяющие снимать напряжение. Не обязательно, чтобы все согласилось, но мы должны найти способы, которые не создают иерархии, угнетения, бессмысленного антагонизма. Первый шаг по этому пути — устранение средств поощрения, которые государство предлагает вместо решения конфликтов.

К сожалению, многие из моделей разрешения конфликтов, которые когда-то использовались человеческими сообществами, теперь потеряны для нас, насильственно заменены судебными системами древних Афин и Рима. Мы можем изучить экспериментальные модели трансформативного правосудия, чтобы представить альтернативы, которые нам придется развивать.

Отказ от Правителей

Размышляя о том, как может выглядеть горизонтальное и децентрализованное общество, мы можем представить себе взаимосвязанные сети коллективов и собраний, в которых люди организуются для удовлетворения своих повседневных потребностей — продовольствия, жилья, медицинского обслуживания, работы, отдыха, дискуссий, общения. Поскольку они взаимозависимы, у них есть веские причины для мирного урегулирования споров, но никто не может заставить кого-либо следовать нездоровым или неосуществимым договорённостям. В ответ на угрозы они мобилизуются в более крупные специальные образования, опираясь на связи с другими сообществами по всему миру.

Фактически, многие безгосударственные сообщества примерно так и выглядели в ходе человеческой истории. Сегодня такие модели продолжают появляться на пересечениях традиций коренных народов, феминисток и анархистов.

«Принцип, согласно которому большинство имеет право управлять меньшинством, фактически приводит все правительства к простой борьбе между двумя объединениями людей за то, кто из них будет хозяевами, а кто — рабами; борьба, которая, какой бы кровавой она ни была, естественно, никогда не будет закончена, пока человек отказывается быть рабом».

– Лисандр Спунер, Без измены

Это возвращает к тому, с чего мы начали — к современным Афинам, Греция. В городе, где демократия впервые достигла зрелости, тысячи людей теперь организуются под анархистскими знаменами в горизонтальных децентрализованных сетях. Вместо эксклюзивности древнего афинского гражданства их структуры являются обширными и открытыми; они приветствуют мигрантов, спасающихся от войны в Сирии, поскольку они знают, что их эксперимент по жизни в свободе должен либо

расширяться, либо погибнуть. Вместо принудительного аппарата правительства они стремятся поддерживать децентрализованное распределение власти, усиленное коллективной приверженностью солидарности. Вместо того, чтобы объединяться и навязывать правило большинства, они сотрудничают, чтобы предотвратить возможность появления самого правила.

Это не устаревший образ жизни, а конец затянувшейся ошибки.

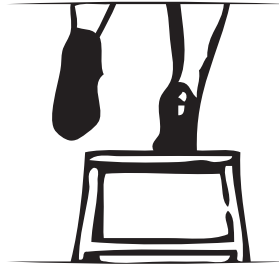
От Демократии к Свободе

Вернемся к наиболее ярким моментам восстаний. Тысячи людей наводняют улицы, создают новые объединения, которые предлагают незнакомое и волнующее чувство сотрудничества. Внезапно все пересекается: слова и дела, идеи и ощущения, личные истории и мировые события. Уверенность — наконец, мы чувствуем себя как дома — и неопределенность: наконец, горизонты открыты. Вместе мы обнаруживаем себя способными на такое, что мы никогда не могли представить.

Красота таких моментов, превосходит любую политическую систему. Конфликты столь же важны, как вспышки неожиданного консенсуса. Это не влияние демократии, а опыт свободы — коллективно вернуть наши судьбы в наши руки. Никакой набор процедур не сможет регламентировать это. Это приз, который мы должны вырывать из челюстей привычки и истории снова и снова.

В следующий раз когда откроется окно возможностей, давайте не будем вновь изобретать «настоящую демократию», пусть нашей целью будет свобода, свобода сама по себе.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

CrimethInc.

От демократии к свободе

<https://m.vk.com/%40illusia2018-ot-demokratii-k-svobode-perevod-s-angliiskogo>,
<https://m.vk.com/%40illusia2018-ot-demokratii-k-svobode-perevod-s-angliiskogo-ch-2>,
<https://m.vk.com/%40illusia2018-ot-demokratii-k-svobode-perevod-s-angliiskogo-ch3>,
<https://m.vk.com/%40illusia2018-ot-demokratii-k-svobode-perevod-s-angliiskogo-ch-4>

ru.theanarchistlibrary.org